

0-734468

На правах рукописи

Протасова Эльвира Евгеньевна

**Сельская школа на Урале
в 1929—1941 гг.**

07.00.02 — Отечественная история

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург — 2002

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Попов Михаил Валерьевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Леднев Виталий Павлович

кандидат исторических наук
Чудиновских Анатолий Алексеевич

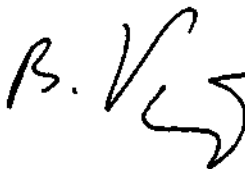
Ведущее учреждение: Тюменский государственный
университет

Защита состоится 27 декабря 2002 г. в 16.00 на заседании диссертационного совета Д 212.286.04 на соискание ученой степени доктора исторических наук при Уральском государственном университете имени А. М. Горького (620083, Екатеринбург, пр. **Ленина, 51**).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Уральского государственного университета.

Автореферат разослан 26 ноября 2002 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

Кузьмин В.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Реформирование российского общества, связанное с демократизацией, на современном этапе вызвало серьезные изменения в системе образования, необходимость выработать новые образовательные парадигмы и приоритеты развития, соответствующие становлению российского демократического государства. Реформирование системы школьного образования требует изучения и переосмысления **опыта**, накопленного в советский период, выявления позитивных и негативных его аспектов с целью применения его к новым историческим условиям.

Политика в области образования обусловливается потребностями развития страны, теми задачами, которые ставит перед собой государство: разработка стратегии, программных установок; становление и развитие соответствующего государственного аппарата; практические методы осуществления политики в сфере образования. Комплексное исследование этих процессов позволяет более полно охарактеризовать мероприятия в области образования как на федеральном, так и на региональном уровне.

Процессы, происходившие в 1930-х гг. в культуре и образовании, оценивались советскими историками как вполне адекватные тем изменениям, которые происходили в социально-экономической сфере. В 1930-х гг. решающее воздействие на жизнь сельских жителей оказали форсированная индустриализация страны и проведение сплошной коллективизации. Эти процессы повлекли за собой необходимость ускорить введение обязательного всеобщего начального образования, а затем и семилетнего не только в городе, но и в деревне. В советское время эта политика получила название «культурной революции».

Для более глубокого осмысления **процессов**, происходящих в сфере образования в 1930-х гг., полезно обратиться к опыту реформирования системы образования как на Западе, так и в России. Вопрос введения всеобщего начального образования впервые был поднят в России в **1870-х гг.** Однако ни земские активисты, ни позднее думцы, ни П. А. Столыпин не смогли придать вопросу всеобщего начального образования статус государственной программы. К началу XX в. средний показатель учащихся по стране составлял 3,3%, в Вятской и Пермской губерниях — 3,4%, в Уфимской — 1,8% ¹ (при том, что в США этот показатель был 20%, в Англии и Пруссии — более 17%, во Франции — 14% ²). Следует отметить, что начальное образование в странах Запада стало массовым уже в **1890-х гг.** Там система образования складывалась эволюционно, постепенно, методом «проб и ошибок». В 1930-х гг. в странах Запада среднее образование не стало всеобщим, массовой была только начальная школа. Демократические традиции этих государств были направлены на постепенное

¹ Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. СПб., 1902. Вып. 3. С. 52—56.

² Народное образование в России. М., 1914. С. 115; Елисафенко М. К. Земская школа как социокультурный фактор (вторая половина XIX — начало XX в.) // История образования и культуры Урала. Екатеринбург, 1998. С. 55—56.

складывание школьной системы образования. Ориентация на альтернативность образовательной системы, возможность выбора была направлена на самого человека.

Большевистское руководство, придя к власти, с первых дней рассматривало программу введения всеобща как необходимое условие для формирования социальной базы при проведении экономических мероприятий, с одной стороны, и стремление создать «нового человека» — с другой. Школа являлась главной структурой в воспитании «нового человека», человека «социалистического» общества. Сельская школа должна была подготовить кадры для колхозно-совхозного производства. Поэтому введение всеобщего начального образования и переход к обязательному семилетнему обучению расценивался как качественный скачок, осуществление которого поставило бы СССР в сфере культуры на один уровень с передовыми странами Запада.

Особый интерес к теме исследования связан с ее **дискуссионностью**, переосмыслением ряда сложившихся в науке представлений о роли государственной политики в сфере образования, а также о результатах проводимых в 1930-х гг. мероприятий как по стране в целом, так и в сельской местности на Урале.

Все это свидетельствует о том, что государственная политика в сфере образования в сельской местности на Урале заслуживает специального исторического исследования.

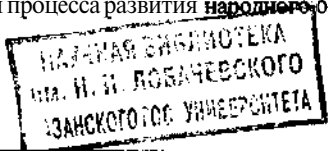
Объектом исследования является сельская школа на Урале в 1929—1941 гг. в различных формах ее организации. Это сельские **школы** I и II ступени, крестьянской молодежи, **начальные**, неполные средние и средние школы.

Предметом исследования является государственная политика в сфере развития сельской общеобразовательной школы, процессы, происходившие в школьном образовании в 1930-х гг.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является развитие сельской школы на Урале в связи с осуществлением программы всеобщего начального и семилетнего обучения в условиях проведения сплошной коллективизации и функционирования командно-административной системы.

В процессе данного исследования автор ставит перед собой следующие **задачи**:

- проследить механизм осуществления начального и семилетнего всеобщего обучения в сельской местности Уральского **региона**, создание финансово-материальной базы для этой программы в условиях колхозно-совхозной деревни; дать историческую оценку государственной политике в этой области;
- осветить профессиональный уровень, материально-правовое положение сельского **учительства**;
- изучить новые явления в организации учебно-воспитательного процесса и их влияние на формирование личности учащихся;
- изучить влияние тоталитарного режима и **командно-административной** системы на становление сельского образования; раскрыть идеологические аспекты, трудности и противоречия процесса развития **народного образования**.

Хронологические рамки диссертации охватывают период с 1929 по 1941 г. Выбор отправной точки связан с началом осуществления сплошной коллективизации, волевые, административно-командные методы проведения которой использовались партийно-государственным руководством при осуществлении образовательной программы, в том числе в сельской местности на Урале. В 1930-х гг. определяется курс на введение всеобщего начального и семилетнего обучения. Кроме того, вырабатываются новые задачи школы в соответствии с изменившейся политической ситуацией и потребностями экономики. Партийно-государственные органы превращают просвещение в приоритетное направление социальной политики. Конечная точка исследования связана с началом Великой Отечественной войны.

Территориальные рамки диссертационного исследования охватывают территорию Уральской области, в которую в 1929 г. входили современные Свердловская, Пермская, Челябинская, Курганская, Тюменская области и частично территории Башкирской и Удмуртской республик. В 1934 г. из Уральской области выделилась самостоятельная Челябинская область и Обь-Иртышская, а в 1938 г. — Пермская. Несмотря на индустриальную значимость Уральской области, часть районов, особенно юго-восточных, имела сельскохозяйственную направленность.

Степень изученности проблемы. К настоящему времени сложилась обширная исследовательская база истории школьного образования. Правда, изучение сельской школы в полной мере не выделялось исследователями как самостоятельная проблема. Исследование истории школьного образования достаточно четко разделяется на четыре этапа: 1) начало 1930-х — конец 1950-х гг.; 2) начало 1960-х — середина 1980-х гг.; 3) середина 1980-х — начало 1990-х гг.; 4) современный период.

Оценка научной и научно-исследовательской литературы по истории народного образования содержится в историографических публикациях в целом по истории 1930-х гг.¹, по истории культурного строительства², а также конкретно школьного образования³.

Из наиболее крупных работ общероссийского масштаба, затрагивающих проблему школьного образования, в том числе на селе, можно отметить монографии М. П. Кима, В. А. Куманева, Г. А. Дороховой, С. И. Штамм⁴, коллективную работу «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1917—1941»⁵. В этих фундаментальных исследованиях тщательно и подробно раскрывается процесс становления советской общеобразовательной

¹ Зак Л. М. Строительство социализма в СССР: Историографический очерк. М., 1971; Погудин В. И. Осуществление ленинского плана строительства социализма в СССР. М., 1969.

² Зак Л. М. История изучения советской культуры. М., 1981.

³ Штамм С. И. Управление народным образованием в СССР (1917—1936 гг.). М., 1985.

⁴ Ким М. П. Великий Октябрь и культурная революция в СССР. М., 1967; Куманев В. А. Революция и просвещение масс. М., 1973; Дорохова Г. А. Управление народным образованием в СССР 1917—1941. М., 1980.

⁵ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1917—1941. М., 1980.

системы. Они оказали большое влияние на развитие историографии народного образования страны.

Особенно следует выделить работы, опубликованные в последнее десятилетие, когда ученые отошли от однозначных оценок, появилась новая неидеологизированная трактовка взаимоотношений государства и школы. Исследователи обратились к изучению состояния образования в тесной взаимосвязи с историческими процессами, происходившими в обществе в 1920—1930-х гг. По мнению Б. Н. Миронова, снижение темпов экономического развития СССР в 1960—1980-х гг. было прямым следствием социальной политики 1930-х гг., поскольку «утрата интеллектуальной элиты не компенсируется развитием образования виришь»¹.

Новейшее исследование, посвященное проблеме осуществления развития трудовой школы в нашей стране, принадлежит Н. В. Котрякову и Л. Е. Холмсу. Они впервые попытались по-новому взглянуть на эволюцию осуществления идеи трудового политехнического обучения в 1930-х гг. Отмену в школах уроков труда в 1937 г. авторы объясняют курсом на введение всеобщего обязательного начального и семилетнего обучения. Они считают, что «одним из наиболее «легких» вариантов увеличения количества классных комнат было переоборудование помещений, занятых под мастерские»².

Большое внимание школьному обучению в социальном контексте уделяется в другой монографии американского ученого Л. Е. Холмса. Автор приходит к выводу, что «заметная тенденция среди учителей обращать взор к Центру в ожидании директив и решений своих проблем способствовала формированию административно-командной системы»³.

Хотя специальных работ, посвященных истории сельской школы, нет, однако эта проблема выделяется в исследованиях, посвященных изучению культуры деревни в различные периоды советской истории, в том числе в 1930-х гг. Деятельности Коммунистической партии по руководству культурными преобразованиями на селе в довоенный период посвящены работы А. П. Веселова, С. Г. Денисова, О. И. Митяевой, А. И. Морозова, А. В. Чунакова⁴. Авторы исследований попытались выявить особенности культурного развития деревни, в том числе особенности развития сельской школы. Акцент в их исследованиях делался на изучение политики партии и государства в сфере культурных пре-

¹ *Миронов Б. Н.* Экономический рост и образование в России и СССР в XIX — XX веках // Отечественная история. 1994. № 4—5. С. 122.

² *Котряков Н. В., Холмс Л. Е.* Проблема трудового политехнического обучения в советской школе и педагогике в 1920—1930-х гг. // Советская педагогика. 1990. № 10. С. 115.

³ *Холмс Л. Е.* Социальная история России: 1917—1941. Ростов-на-Дону, 1994.

⁴ *Веселое А. П.* Борьба Коммунистической партии за проведение культурной революции в деревне в годы коллективизации. Л., 1978; *Митяева О. Н.* Коммунистическая партия — руководитель культурного роста крестьянства в годы коллективизации. М., 1978; *Морозов А. И.* Культурное строительство в деревне во второй пятилетке (1933—1937 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971; *Чунаков А. В.* Коммунистическая партия в борьбе за культурное строительство деревни. М., 1981.

образований в деревне, данные о состоянии культуры крестьянства в них подобраны так, чтобы доказать правильность этой политики.

Однако, несмотря на идеологическую **заданность** этих исследований, постановка проблем специфики культурного строительства на селе, в том числе специфики школьного **строительства**, представляет большой научный интерес. Хотелось бы отметить защищенную в 1986 г. докторскую диссертацию А. В. Чунакова¹, в которой приводится обширный фактический материал по изучаемой нами проблематике, глубоко анализируются основные направления **развития** сельской школы в 1929—1940 гг. При этом А. В. Чунаков уже делает первые попытки пересмотреть некоторые партийные установки в оценке периода 1930-х гг., хотя в целом остается еще на позициях советской историографии.

Следует отметить и исследование американского историка Шейлы Фицпатрик². В нем автор, обращаясь к истории проведения коллективизации, рассматривает различные стороны жизни российского крестьянства в этот период, в том числе и образование. Она приходит к выводу о насильственной политике со стороны партийно-государственных органов по отношению к крестьянству в области образования в начале сплошной коллективизации. В то же время настроения крестьян во второй половине 1930-х гг. меняются: теперь уже не было необходимости заставлять их посещать школу. По мнению Ш. Фицпатрик, это связано с тем, что «образование стало приносить особую практическую пользу деревенским родителям и их детям». Главным было то, что для имеющих образование облегчался **отъезд** из села и продвижение в сельской среде.

Историографический анализ позволяет сгруппировать научную и научно-популярную литературу по следующим направлениям: 1) исследования, которые непосредственно посвящены проблемам образования; 2) историко-партийная литература; 3) работы по истории культурного строительства; 4) труды историко-педагогического характера; 5) исследования работников народного образования.

Свой вклад в разработку темы внесли историки Урала. Проблемы развития школы затрагиваются в работах уральских авторов, посвященных культурным преобразованиям в регионе, в том числе в 1930-х гг.

В диссертациях А. Н. Дубинина и С. А. Чайниковой дается историографический анализ культурного строительства на Урале³, поэтому следует остановиться лишь на работах, имеющих принципиальное значение для изучения истории общеобразовательной школы, в том числе на селе.

¹ Чунаков А. В. Деятельность Коммунистической партии по формированию социалистической культуры и нового быта деревни (1929—1940): Дис. ... д-ра. ист. наук. М., 1986.

² Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 1930-е годы: деревня. М., 2001.

³ Дубинин А. Н. Формирование системы народного образования на Урале. 1917—1941. Историографический анализ: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1996; Чайникова С. А. Историография культурных преобразований на Урале в 1917—1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.

Первые публикации появились уже в **начале** 1930-х гг. Они **положили** начало освещению проблем школьного образования в исследуемый период на Урале — это статьи и доклады руководящих партийных работников и деятелей просвещения (А. С. Бубнов, И. А. Перель, И. Д. Кабаков). Эти материалы размещались в журналах «Просвещение на Урале» и «**Культфронт** Урала». В них были опубликованы статьи, письма учителей, был обобщен опыт передовых преподавателей. Критике подвергались проблемы финансирования **всеобща**, материально-бытовое положение школьных работников. Со второй половины 1930-х гг. издательство журналов было прекращено.

С конца 1930-х гг. до второй половины 1950-х специальная уральская литература по данной теме не публиковалась.

В 1970-х гг. проявился активный интерес к вопросам всеобща. Связано это было с решением партийно-советского руководства о введении обязательного среднего образования. Уральские историки осветили широкий спектр вопросов, связанных с историей ликвидации неграмотности и постановки школьного образования в Уральском регионе в довоенный период¹. После публикации в 1970 г. монографии В. Г. Чуфарова его учениками были исследованы на уральском региональном материале различные направления культурных преобразований в 1920—1930-х гг., в том числе на **селе**². Для этой **группы** историков характерным является отношение к развитию культуры в первые десятилетия Советской власти как «культурной революции». В центре внимания историков находилась деятельность партийных органов по руководству народным образованием. Гораздо меньше рассматривалась деятельность других структур, также занимавшихся организационной деятельностью в этой **сфере** — собственно органов народного образования, профсоюзов, **комсомола**, добровольных обществ. Слабо освещались вопросы планирования в области школьного строительства и ликбеза. Вплоть до середины 1980-х гг. в силу идеологической **заданности** концептуальных подходов отечественные историки оценивали опыт Коммунистической партии только положительно и делали выводы о громадных успехах в культурных преобразованиях, в том числе в осуществлении всеобща, подтверждая свои выводы количественными данными, в первую очередь статистическими, а также фактами, которые считали типичными.

Весьма значительное внимание уральские историки в 1970-х — начале 1980-х гг. уделяли изучению вопроса материально-финансового обеспечения образовательных учреждений, с привлечением новых фактических данных. Однако не было достигнуто четкости в характеристике соотношения **бюджет-**

¹ Чуфаров В. Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920—1937 гг.). Свердловск, 1970.

² Волков С. М. Деятельность Уральской областной партийной организации по ликвидации неграмотности взрослых, развитию материальной базы общеобразовательной школы и подготовке учительских кадров (1928—1932): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1986.

ных и внебюджетных источников финансирования, а тем более структурированной оценки последних. Большинство историков рассматривало средства от самообложения населения как один из основных источников, уступающий по своим размерам бюджетным ассигнованиям и банковским ссудам ¹. Правда, П. В. Гришанов сделал вывод, что в отдельных случаях финансирование школьного строительства за счет средств населения превышало бюджетные средства.

Наиболее убедительно эта позиция была обоснована в монографии М. В. Попова, доказывающего, что в финансировании школ ликбеза на селе бюджетные ассигнования играли второстепенную роль ².

Проблема расширения сети школ, в том числе на селе, также рассматривалась уральскими историками в исследованиях, посвященных культурным преобразованиям в годы предвоенных пятилеток. Написанные в «доперестроечный период», они содержат вывод о том, что рост количества школ происходил за счет резкого увеличения государственного финансирования ³.

Тема подготовки преподавательских кадров на Урале раскрывалась как часть проблематики формирования советской интеллигенции в работах М. Е. Главацкого, И. В. Кузовковой ⁴.

В монографии В. Г. Чуфарова среди других проблем рассматривается деятельность партийных организаций Урала по перевоспитанию учительства в связи с созданием новой, советской школы ⁵. Специально этой проблеме посвящена статья В. П. Полева ⁶.

¹ Гришанов П. В. Деятельность партийных организаций Урала и Западной Сибири по укреплению финансово-материальной базы общеобразовательной школы в 1926—1941 годах // Деятельность партийных организаций Урала и Западной Сибири по развитию народного образования и культуры. Свердловск, 1978; *Он же*. Деятельность партийных организаций Урала и Западной Сибири по осуществлению всеобщего обязательного обучения в годы строительства социализма // Деятельность партийных организаций Урала и Западной Сибири по развитию народного образования. Свердловск, 1979; *Он же*. Школьный всеобуч на Урале в условиях строительства социализма (1926—1937 гг.). Челябинск, 1982.

² Попов М. В. Культура и быт крестьян Урала в 1920—1941 годах. Свердловск, 1998.

³ Покровская Н. К. Партийное руководство школьным строительством на Урале в годы второй пятилетки // Возрастание руководящей роли партийных организаций Урала в культурном строительстве. Свердловск, 1975; Ушаков Н. М. Культурное строительство в деревне Южного Урала в годы первой пятилетки (1928—1932): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972; Шишмаренкова А. В. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции в годы второй пятилетки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1986.

⁴ Главацкий М. Е. Историография формирования интеллигенции в СССР. Свердловск, 1987; Главацкий М. Е., Сажина З. Т. Горизонты высшей школы и науки на Урале. Свердловск, 1981; Кузовкова И. В. Деятельность партийных организаций Урала по подготовке учительских кадров (1928—1937 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1983.

⁵ Чуфаров В. Г. Указ. соч.

⁶ Полев В. П. Деятельность партийных организаций Урала по перевоспитанию старого учительства в 1920—1927 гг. // Возрастание руководящей роли партийных организаций Урала в культурном строительстве. Свердловск, 1975.

Уральскими историками в 1970—1980-х гг. освоен большой фактический материал об изменении количественных и качественных показателей кадрового состава педагогов ¹.

Значительное внимание в уральской историографии уделено вопросам обучения и воспитания в общеобразовательной школе, в том числе и на селе ².

Однако эта сторона истории школы в работах уральских авторов освещалась в основном с внешней стороны, без специального проникновения в педагогическую проблематику; методические новации 1920-х гг. характеризовались поверхностно, языком партийных документов. Существенным достоинством было уже само обращение к данной теме.

По вполне понятным причинам в работах уральских историков советского периода нет оценки идеологического содержания учебно-воспитательного процесса, не затрагиваются вопросы о репрессиях по отношению к учительству и другие проблемы. В последние годы уральские исследователи пытаются с позиций современной исторической науки подойти к оценке развития общеобразовательной школы в регионе, в том числе на селе.

Формированию системы школьного образования на Южном Урале в 1930-х гг. посвящена монография и глава диссертации челябинского историка С. С. Загребина³. Автор делает вывод, что к концу 1930-х гг. в стране сложилась «система тоталитарной культуры», в недрах которой продолжала существовать культура, основанная на общечеловеческих ценностях, и именно эта культура продолжала развиваться, а значит, росла грамотность, образованность людей. Такое утверждение дало основание С. С. Загребину трактовать конкретные факты и интерпретировать статистические данные в духе традиционной историографии советского периода. Поэтому выводы о развитии общеоб-

¹ Гришанов П. В. Партийное руководство подготовкой и воспитанием учительских кадров в годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1926—1937). Саратов, 1983; Гришанов П. В., Кузовкова И. В. Партийное руководство подготовкой учительских кадров Урала (1926—1941) // Партийные организации во главе культурного строительства. Свердловск, 1978; Покровская Н. К. Деятельность партийных организаций Урала по повышению идейно-теоретического и педагогического уровня учительских кадров в годы второй пятилетки // В. И. Ленин и социально-экономические проблемы развития Урала. Свердловск, 1970. Вып. 2.

² Чернышков В. В. Создание условий для трудового воспитания учащихся общеобразовательных школ Урала в годы первой пятилетки // Деятельность партийных организаций Урала и Западной Сибири по развитию народного образования. Свердловск, 1979; Чернышков В. В., Гришанов П. В. Партийное руководство идейно-политическим воспитанием учащихся общеобразовательных школ Урала в годы довоенных пятилеток // Роль партийных организаций Урала и Западной Сибири в развитии народного образования и культуры. Свердловск, 1981; Чернышков В. В. Партийное руководство борьбой за повышение качества знаний школьников в годы первых пятилеток (на материалах Урала) // Партийное руководство народным образованием в условиях социалистического строительства. Свердловск, 1985.

³ Загребин С. С. Метаморфозы культуры. Культурное строительство на Южном Урале в 1929—1941 гг. Челябинск, 1994; Он же. Культурное строительство на Южном Урале. 1919—1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1994.

разовательной школы в 1930-х гг. на Южном Урале практически не расходятся с выводами историков 1970—1980-х гг.

Таким образом, **исследование** истории школьного образования в целом и в 1930-х гг. в частности имеет достаточно развитую и солидную историографию. В то же время специальные работы по истории сельской общеобразовательной школы отсутствуют.

Источниковая база исследования. По истории развития школьного образования в 1930-х гг. сложилась большая комплексная **источниковая** база, создающая определенные возможности для углубления и расширения исторических исследований. При этом переосмысление, отход от традиционных оценок советской историографии произошли во многом благодаря: 1) критическому отношению к документам, уже приводившимся ранее в работах советских историков; 2) привлечению новых, ранее не исследованных документальных материалов.

Критический анализ был необходим прежде всего при изучении источников, опубликованных в печати. Это изданные сборники документов, статистические и информационные справочники, материалы газет и журналов. Идеологическая **заданность** публикаций обобщающего **характера**, скорректированных цензурой, обуславливает тенденциозный подбор фактов и статистических данных, характеризующих динамику изменений в культурно-бытовой сфере и доказывающих правильность и непогрешимость политики советского руководства в 1930-х гг. Эти источники требуют критического анализа с позиций современной исторической науки и сопоставления с архивными материалами, которые дают более правдивую картину событий. При этом архивные источники также часто бывают тенденциозными, и лишь опора на разнообразную источниковую базу может дать объективную трактовку историческим явлениям.

При написании диссертации автор использовал архивные дела из 15 фондов 7 центров хранения документации и государственных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива Пермской области (ГАПО), Государственного архива новейшей истории и общественных движений Пермской области (ГАНИОПДПО), Государственного архива Свердловской области (ГАСО), Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Объединенного архива Челябинской области (ОГАЧО).

Характеристика механизма государственной политики, системы руководства и контроля за ходом преобразований в сфере образования основывается на исследовании и оценке материалов директивного **характера**, исходящих от высшего руководства страны. Большая часть этих источников по народному образованию была опубликована еще в 1930-х гг. в периодике и в соответствующих сборниках документов. В диссертации дается характеристика особенностей этих документов.

Сюда же, к документам нормативно-директивного **характера**, относятся статьи и выступления высших руководителей страны. Это прежде всего выступления и статьи И. В. Сталина, М. И. Калинина, А. С. Бубнова, Н. К. Крупской,

А. В. Луначарского и др. Публикации эти носят декларативный характер, **пока-**зывают официальную позицию власти по отношению к тем или иным направлениям культурного строительства, выделяют приоритеты в культурной политике государства.

Проведение этой политики на местах характеризуют постановления, резолюции и решения республиканских, областных, окружных, районных, а также первичных партийных и советских организаций и их органов, обнаруженные главным образом в уральских архивах. Лишь некоторые из них были опубликованы в местных газетах и журналах, а также в сборниках документов.

Немаловажное значение для выявления основных звеньев командно-административного механизма управления в сфере образования имело изучение решений и указаний исполнительных органов власти: Совнаркома СССР, РСФСР и исполкомов местных **Советов**.

Однако большая часть фактов содержится в отчетах, докладных записках, справках, инструкциях, планах, разрабатывавшихся **партийно-советским** аппаратом на всех уровнях. Особо следует отметить документацию отделов парткомов: агитационно-пропагандистских, культурно-пропагандистских, культурно-просветительных, печати, массовых агиткампаний, существовавших в разные периоды.

Из этих документов почерпнута информация о сети (планировавшейся и функционирующей) школ. Здесь же содержится информация о состоянии учительских кадров, их количестве, материальном положении.

Казалось бы, функциональный характер подобного рода документов должен обеспечить полную объективность информации. Но это не так. Работники партийно-советского аппарата на местах, составляя справки, обзоры и отчеты, стремились приукрасить состояние дел перед вышестоящим руководством. Тем более что в условиях командно-административной системы планировавшиеся «сверху» показатели часто не учитывали объективного положения дел и возможностей на местах. Однако местные руководители, опасаясь критики (а во второй половине 1930-х гг. и репрессий) за невыполнение планов и заданий, фальсифицировали итоги своей деятельности.

Поэтому для выяснения подлинности данных необходимо было сопоставлять их с источниками, имеющими критическую направленность: материалами инспекторских проверок, контрольных обследований, обращениями просвещенцев в **партийно-советские** органы, жалобами населения.

Сводные данные Государственного архива Российской Федерации составлены на основании отчетов и справок, представленных соответствующими наркоматами автономных республик и отраслевыми отделами при исполкомах Советов областей Уральского региона. Эта же исполнительно-отчетная документация хранится в местных государственных архивах.

Однако необходимо отметить, что часть архивных фондов на периферии о событиях 1930-х гг. была уничтожена по указанию высшего партийно-советского руководства. Это касается также и фонда Свердловского областного отдела народного образования.

Важнейшим источником изучения сельской школы на Урале являются статистические материалы. Опубликованные статистические сведения за

1930-е гг. носят весьма обобщенный и неполный характер. Более того, данные статистических публикаций второй половины 1930-х гг. были искажены по указанию партийно-государственного руководства с тем, чтобы показать «историческое значение сталинских пятилеток» и доказать осуществление «культурной революции». Материалы Всесоюзной переписи населения 1939 г. были поданы в искаженном виде, а публикация Всесоюзной переписи 1937 г. вплоть до конца 1980-х гг. была запрещена.

Впервые в работе использованы материалы проводившихся в 1930-х гг. обследований бюджета времени колхозников Свердловской области. Анализ этих материалов помог дать правдивую оценку изменений в сфере образования сельских жителей. В диссертации критическому анализу подвергаются утверждения советских историков, основанные во многом на официальной статистике конца 1930-х — начала 1940-х гг.

Важным источником является периодическая печать. Изучение прессы позволило глубже прочувствовать дух эпохи, почерпнуть много полезной информации. Автор обратился к материалам прежде всего местной печати — журналам «Культфронт Урала», «Просвещение на Урале», газетам «Уральский рабочий», «Колхозный путь». Их характеристика дается в диссертации.

Перечисленные группы источников составили **источниковую** базу исследования, позволили при их всестороннем и критическом использовании с достаточной полнотой и достоверностью осветить основные проблемы рассматриваемой темы, достигнуть намеченные цели и решить поставленные задачи.

Научная новизна и практическая значимость исследования заключается в том, что в диссертации впервые предпринята попытка комплексно изучить развитие сельской общеобразовательной школы на Урале в 1930-х гг., в период изменения всей структуры экономических, политических и социальных отношений в советском обществе. В работе основное внимание уделено исследованию государственной политики в области просвещения в деревне. На основе впервые введенных в оборот архивных материалов анализируются как положительные, так и отрицательные результаты этой политики. Автор впервые **попытался** выявить влияние тоталитарного режима и командно-административной системы на становление сельского образования.

Материалы исследования могут быть использованы при чтении спецкурсов по истории края, написании обобщающих работ по истории образования на Урале, при разработке соответствующих разделов учебных курсов по отечественной истории.

Теоретико-методологическую основу диссертации составляет теория модернизации. Под модернизацией мы понимаем процесс, в ходе которого традиционные аграрные общества трансформируются в индустриальные. Коллективизация, сопровождавшаяся внедрением новых агротехнологий и механизацией сельского хозяйства, привела к господству такой формы организации производства, как колхозы. Сплошная коллективизация крестьянства в Советском Союзе — уникальная по своей сути социально-аграрная реформа в условиях насильственного, принудительного ее проведения — изменила не только экономическое положение крестьянства, но и его сознание. Эта аграрная ре-

форма проводилась с целью обеспечения нужд индустриального развития страны¹. Потребность в грамотных кадрах, обеспечивающих **промышленность**, привела к тому, что партийно-государственное руководство пыталось революционными методами изменить не только социально-экономическую, но и духовную **сферу**, в том числе и образование. Это сопровождалось насилием по отношению к различным общественным группам, прежде всего к крестьянству. «Культурная революция» мыслилась как переворот в сознании трудящихся, утверждение в обществе монополии коммунистической идеологии. Школа должна была обеспечить формирование нового сознания в системе единомыслия, единообразия, установки на «усреднение и выравнивание» личности.

При исследовании государственной политики в области образования и ее результатов основополагающими стали принципы **историзма**, объективности и системности, а также диалектическое понимание процесса исторического развития, признание причинно-следственной закономерности событий и явлений, важной роли субъективного фактора в истории и комплексный подход к исследуемым проблемам.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации докладывались автором на всероссийских и региональных научных конференциях: «Третьи уральские **историко-педагогические** чтения» (Екатеринбург, 1999); «Проблемы гражданственно-патриотического воспитания молодежи» (Екатеринбург, 1999); «Гражданственность и патриотизм в XXI веке: теория и практика» (Екатеринбург, 2002). Всего по теме диссертации опубликовано 7 печатных работ общим объемом 2,4 п. л.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, примечаний, списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснованы актуальность и научная новизна исследования, определены объект и предмет исследования, его теоретико-методологическая **база**, цели и задачи исследования, представлен анализ степени научной разработанности проблемы, охарактеризована **источниковая база**.

В первой главе диссертации — **«Расширение школьной сети и материальная база народного образования»** дан анализ состояния материальной базы всеобщего начального, **непслного** среднего и среднего образования в деревне в период осуществления сплошной коллективизации и функционирования колхозно-совхозной системы в сельском хозяйстве в первое десятилетие ее существования. Изучены развитие школьной сети и охват сельского населения всеми типами общеобразовательных школ. Проанализированы методы проведения государственной политики в сфере образования при сокращении **бюд-**

¹ Корнилов Г. Э., Пересторонина Л. И., Каракулов Д. В. Аграрная сфера Урала в условиях модернизации (первая четверть XX в.) // Уральский вестник. № 5—6 (Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений). Екатеринбург, 2000. С. 381.

жетного финансирования села и понижения жизненного уровня крестьянства. Исследована специфика насильственных, административных способов решения проблем в условиях сложившейся в 1930-х гг. командно-административной системы управления обществом.

Начало активным мероприятиям в **осуществлении** всеобщего начального обучения было положено декретом ВЦИК и СНК РСФСР «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построения школьной сети» от 31 августа 1925 г. Предельным сроком для введения всеобщего начального обучения на всей территории РСФСР был определен 1933/34 уч. г., и в первую очередь в регионах, где это было возможным по состоянию местного бюджета, школьной сети, а также плотности населения¹. Однако 25 июля 1930 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении», в котором признал необходимым ввести повсеместно начальный всеобщий для детей **8—11 лет** начиная с 1930/31 уч. г.²

На Урале IX областная партийная конференция и VII областной съезд Советов приняли директиву за один-два года осуществить начальный всеобщий³. Данные сроки для проведения столь глобальной программы были нереальными. В условиях начавшейся массовой коллективизации в сельской местности при проведении мероприятий в области образования стали применяться не только методы разъяснения, но и принуждения. К финансированию школ были привлечены средства общественных организаций, колхозов, совхозов, промышленных предприятий. Для координации действий при сельсоветах были созданы штабы по всеобщему, при школах — комитеты содействия. Кроме того, в деревне в 1931 г. был введен новый налог — **культжилсбор**, часть которого шла на содержание школ.

Подсчеты показывают, что в конце 1920-х — начале 1930-х гг. доля расходов на школу составляла более половины местного бюджета на народное образование, а в начале 1930-х гг. ситуация заметно изменилась. Согласно областному бюджету Уральской области в 1932 г. просвещение на 65% должно было финансироваться за счет населения⁴. Кроме того, на содержание учебных заведений в сельской местности выделялось средств в четыре раза меньше, чем на городскую школу, а расходы на одного ученика в сельской местности были на 24% меньше, чем в городе⁵.

При введении обязательного начального всеобщего в сельской местности партийно-государственное руководство столкнулось с нежеланием крестьян обучать своих детей. Обязательное образование многими из них воспринима-

¹ *Народное образование* в СССР. *Общеобразовательная школа: Сб документов. 1917—1973 гг. М., 1974. С. 105.*

² *Там же. С. 109.*

³ *ЦДОСО.Ф. 4. Оп. 8. Д. 652. Л. 6.*

⁴ *Официальный сборник важнейших законов правительства, постановлений и распоряжений Уралоблисполкома. 1932. № 18. С. 232.*

⁵ *Гришанов П. В Школьный всеобщий на Урале в условиях строительства социализма (1926—1937 гг.) Челябинск, 1982. С. 18.*

лось как элемент системы государственного принуждения, так же как и коллективизация. Поэтому наряду с разъяснительной работой среди родителей о значении всеобщего были применены и методы принуждения, административных взысканий. Учителей и учеников партийно-государственное руководство стало использовать при проведении коллективизации, организации новых колхозов, раскулачивании крестьян.

Расширение школьной сети в первой половине 1930-х гг. происходило за счет приспособления уже имеющихся помещений под школы и освобождения школьных зданий, занятых не по назначению. В сельской местности для увеличения количества школьных помещений широко применялась практика выселения «кулаков», а также использования бывших культовых зданий.

Несмотря на усиление административных мер по отношению к крестьянству, привлечь всех детей в школу было очень трудно. Отсев в течение года в среднем составлял в 1932/33 уч. г. 8—10%, а в некоторых районах до 25% детей бросали учебу¹. Поэтому, несмотря на данные официальной статистики, по которым охват детей 8—11 лет всеобщим уже в 1931/32 уч. г. составил 98,1%, относиться к ним нужно с большой долей осторожности.

В середине 1930-х гг. в уральском селе произошли значительные перемены.

Во-первых, была завершена в основном коллективизация, во-вторых, как и по всей стране, так и на Урале было покончено с голодом, повысилось материальное благосостояние колхозников. Это сказалось и на расширении финансирования школьного образования, в том числе и в деревне. Однако расширение материальных возможностей во второй половине 1930-х гг. не означало отказа от командно-административных методов решения вопросов со стороны партийно-советского руководства. Роль партийного аппарата, его вмешательство в сферу деятельности органов народного образования еще более возросли. Но если в первой половине 1930-х гг. за невыполнение спущенных «сверху» планов всеобщего чиновников на местах обвиняли в «оппортунизме», то в 1937/38 уч. г. были как «враги народа» репрессированы руководители народного образования на Урале, обвиненные во вредительстве, «срыве» всеобщего. Страх перед репрессиями заставлял идти на приписки и фальсификацию итогов работы по всеобщему.

По данным Всесоюзной переписи населения 1937 г., среди детей 8 лет в СССР начальную школу посещали 65,2%, 9-летних — 86,3%, среди детей 10—11 лет начальные школы посещали 91,3%, т. е. в среднем 80,9% детей в возрасте 8—11 лет посещали школу². А по данным Наркомпроса РСФСР на 15 октября 1937 г., всеобщее начальное обучение детей 8—11 лет было осуществлено на 93,4%, в том числе в сельской местности — на 92,4%³. На наш взгляд, не менее 10% детей в сельской местности в возрасте 8—11 лет не проходили курса обучения по материальным, психологическим и другим причинам.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 35. Л. 30.

² Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1937 г. М., 1997.

³ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2359. Л. 18.

Введение обязательного семилетнего всеобщего стало естественным продолжением политики партийно-государственного руководства в области школьного образования. Повышенная сельская школа должна была стать переходной ступенью для обеспечения индустриального Урала квалифицированными кадрами, а сельская школа — источником пополнения этих кадров.

В Уральской области в 1929/30 уч. г. работало 165 семилетних, 45 школ II ступени, 33 девятилетние школы ¹. Специфическим типом сельских учебных заведений повышенного типа были школы крестьянской молодежи (с 1930 г. — школы колхозной молодежи). В 1929/30 уч. г. на Урале работало 108 таких школ, где обучалось 10253 учащихся ². XIII съезд Советов, проходивший в 1928 г., дал указание Наркомпросу постепенно преобразовать все деревенские школы-семилетки и школы II ступени в школы крестьянской молодежи. Повышенная школа в сельской местности должна была адаптироваться к новым государственным планам.

Постановлением ЦК ВКП (б) от 25 июля 1930 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении» признавалось необходимым приступить к введению всеобщего обязательного семилетнего обучения для заканчивающих в этом году начальную школу (I ступень). Школы колхозной молодежи трансформировались в профессиональные учебные заведения, что ликвидировало альтернативную форму повышенного школьного образования в сельской местности.

К 1933 г. в Наркомпросе РСФСР был подготовлен план введения семилетнего всеобщего. В Уральской области к 1934 г. планировалось перевести в пятые классы 100% выпускников начальных школ ³. Для осуществления этих плановых заданий в сельской местности прежде всего не хватало помещений. До 1935 г. основная масса неполных средних и средних школ размещалась в приспособленных крестьянских избах. Поэтому значительная часть средств была направлена на строительство школьных зданий. Выполнение плана строительства шло с опозданием из-за недостаточного финансирования, нехватки квалифицированных рабочих, отсутствия правильной организации труда, необходимых стройматериалов. Страх перед административными взысканиями, обвинениями во вредительстве приводил к тому, что с мест рапортовали о завершении строительства. Если в первой половине 1930-х гг. почти половина средств для строительства школ на селе была получена от самообложения крестьян, то во второй половине 1930-х гг. финансирование (до 90%) возлагалось на местный бюджет ⁴. На протяжении 1930-х гг. при осуществлении программы семилетнего всеобщего была проблема обеспечения детей интернатами, общежитиями. В Пермской области в Юсьвенском районе в 1940 г. школы были обеспечены интернатами только на 50% ⁵. Эти материальные трудности осуществления

¹ *Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск, 1930. Вып. 1. С. 82—85.*

² *Социалистическое строительство на Урале за 15 лет. Свердловск, 1932. С. 9.*

³ *ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 1822. Л. 3.*

⁴ Подсчитано по: *ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 339. Л. 36.*

⁵ *ГАНИОПДПО. 105. Оп. 6. Д. 230. Л. 29.*

программы семилетнего всеобуча были типичными для всех районов Урала. Они вели к сокращению **контингентов** учащихся, непопулярности просвещения среди крестьянства.

Введение обязательного семилетнего обучения требовало обеспечения учебного процесса школьным оборудованием. Однако в сельской местности, как **правило**, создать **кабинетно-лабораторное** обеспечение из-за недостатка средств было практически невозможно. Многие неполные средние школы в целях изыскания дополнительных средств старались расширить пришкольные хозяйства.

Несмотря на то что школа не отвечала современным требованиям, во второй половине 1930-х гг. отношение крестьянства к обязательному образованию меняется. Образование давало «билет» для отъезда из колхоза и способствовало продвижению в сельской среде. Анализируя ранее не публиковавшиеся источники «бюджеты времени колхозников» за 1934 и 1936 гг., автор пришел к выводу, что подростки учились не менее шести часов в день (посещение школы, чтение книг, прессы).

Партийно-государственные органы были убеждены в возможности практически стопроцентного охвата сельских детей семилетним обучением. Поэтому завышенное планирование продолжалось. Наркомпросом РСФСР был разработан третий пятилетний план по народному просвещению на 1938—1942 гг., в котором четко обозначилось стремление форсировать переход ко всеобщему среднему образованию. Показатели роста числа школьников в 8—10 классах в плане были самыми высокими (рост на 157,0% в городе и на 175,7% в сельской местности)¹. Таким образом, форсированное осуществление образовательных программ без создания необходимых материальных условий продолжалось.

Вторая глава — «Учитель и учебно-воспитательная работа в сельских школах» посвящена анализу обеспеченности сельских учебных заведений педагогическими кадрами, профессиональной подготовки учителей начальной, неполной средней и средней школы, материально-правового положения сельского учителя. В ней рассматриваются также новые явления в организации учебного процесса и учебно-воспитательной работы в сельских школах.

Сеть педагогических профессиональных учреждений в начале 1930-х гг. была не способна **покрыть** дефицит в учительских кадрах в сельской местности. Это обусловило проведение таких чрезвычайных мер, как «мобилизация» грамотного населения для работы в школах, организация краткосрочных курсов для подготовки учителей. В связи с осуществлением программы всеобуча процент учителей со средним образованием в Уральской области сократился с 62,8% в 1927/28 уч. г. до 44,2% в 1932/33 уч. г.² Педагогические техникумы удовлетворяли в 1932/33 уч. г. только 11—14% потребностей в учителях начальных классов. Поэтому основной формой повышения квалификации учителей начальных классов в первой половине 1930-х гг. стала система краткосроч-

¹ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 6829. Л. 3.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. И. Д. 181. Л. 17.

ных курсов, которые не могли дать достаточного уровня подготовки учителям. По выборочным данным, в Свердловской области в 1934/35 уч. г. до 70% педагогов имели только низшее образование, т. е. начальную школу и 8—10-месячные курсы¹.

В начале 1930-х гг. появляется новая форма получения специального среднего и высшего образования — заочная, которая должна была восполнить недостаток в грамотных учителях. Но сеть средних и высших педагогических учебных заведений только начинала складываться и не могла удовлетворить потребности растущей школьной сети в кадрах. С переходом к обязательному семилетнему обучению потребность в учителях-предметниках вызвала необходимость развития среднего специального и высшего образования.

Со второй половины 1930-х гг. пополнение учительских кадров все в большей степени начинает осуществляться за счет выпускников специальных педагогических учебных заведений. В 1938/39 уч. г. педагогические училища Челябинской области дали 38,3% нового пополнения учителей начальных классов, а **пединституты** — около 15%². На 1 января 1933г. в Уральской области функционировали 7 педагогических **вузов**, в которых обучались 2422 студента³. Форсированная программа осуществления семилетнего всеобщего привела к еще одной сокращенной форме педагогического **образования** — учительским институтам. На Урале учительские двухгодичные институты были созданы в Свердловске, Перми, Челябинске, **Магнитогорске**⁴.

Однако ежегодные выпуски учителей из педагогических вузов Свердловской и Челябинской областей начинаются только в годы второй пятилетки — в Свердловском **педагогическом** — с 1934 г., а в университетах и учительских **институтах** — с 1936 г.⁵ К 1941 г. выпуск учителей-предметников в Свердловской области вырос в 2,3 раза по сравнению с 1936 г. и составил 1227 **человек**⁶. Несмотря на расширяющуюся сеть педагогических средних и высших учебных заведений, в 1938/39 уч. г. только в Свердловской области дефицит учителей начальных школ составлял 3000 человек, а неполных средних и средних школ — более 2000 **человек**⁷.

Новым явлением в образовательной политике стало введение в 1936 г. аттестационных комиссий, что стимулировало учителей к повышению квалификации. Но с другой стороны, аттестационные комиссии ставили цель выявлять «чуждые, враждебные элементы», к учителю «подходили» с точки зрения его политической благонадежности.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 403. Л. 18.

² ОГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 534. Л. 99.

³ Гришанов П. В. Школьный всеобщ на Урале в условиях строительства социализма (1926—1939). Челябинск. 1982 С. 39.

⁴ Там же.

⁵ Там же С. 40.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 710. Л. 186; ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 707. Д. 7051. Л. 20.

⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 347. Л. 41.

На протяжении 1930-х гг. партийно-государственные органы стремились усилить идеологизацию школы за счет увеличения количества членов ВКП (б) и ВЛКСМ.

В начале 1930-х гг. материально-правовое положение сельских учителей ухудшилось. В сельской местности учителя, не имеющие своего подсобного хозяйства, проживающие на квартирах, оказались не обеспеченными основными продуктами питания. Задержки выдачи заработной платы, неуважительное отношение к учителям характерны для многих районов в начале 1930-х гг. Это приводило к бегству учителей с мест работы.

Большое влияние на изменение материально-правового положения сельского учителя оказала коллективизация. После вступления в колхоз положение сельских просвещенцев оказывалось часто хуже, чем **крестьянина-колхозника**, так как процент взноса в колхозный фонд иногда поглощал всю заработную плату¹. Сельский учитель был «задавлен» общественной работой, имея до 7—8 различных дополнительных нагрузок. Стремление административными методами разрешить проблему материально-правового положения сельских учителей не давало положительных результатов.

Лишь с середины десятилетия к оплате учителей стали подходить дифференцированно: с 1936 г. выплачивались надбавки за совмещение, увеличение нагрузки, образовательный уровень, стаж работы, классное руководство, квартирные деньги. Такой подход к оплате труда работников образования в какой-то мере смог поднять престиж учительской профессии. Но не только материальное вознаграждение имело значение. «Сеять разумное, доброе, **вечное**» — вот главный созидательный принцип деятельности сельского учителя.

На протяжении 1930-х гг. в организации учебной работы произошли значительные изменения, которые восстановили не только традиционные методы обучения, но и в большей степени традиционную школьную программу: жесткий централизованный контроль по всем направлениям (от организации управления школой и учебно-воспитательным процессом до содержания учебных курсов и методов преподавания), регламентация всего учебного процесса. Были введены стабильные программы обучения. Идеино-теоретическое содержание программ согласовывалось с задачами идеологического воспитания масс и задачей формирования социальной базы для проведения экономических мероприятий. Однако специфика сельской школы в учебных программах учитывалась недостаточно. Классно-урочная система становится основной формой работы в школах. Для оценивания знаний в общеобразовательной школе были введены степени отметок: «очень плохо», «плохо», «посредственно», «хорошо» и «отлично». Была введена единая школьная форма одежды.

Низкий профессиональный уровень сельских учителей, слабая материальная база школ, необеспеченность учебниками и методическими пособиями — все это сказывалось на успеваемости сельских школьников. В 1940/41 уч. г. средняя успеваемость в школах Свердловской области составляла 79%, по начальным школам — 77—88%, по неполным средним школам — 64—68%, по

¹ Просвещение на Урале. 1930. № 3—4. С. 157.

средним школам — 80—90%¹. Характерно, что в 1937/38 уч. г. наличие большого количества неуспевающих учеников партийно-советские руководители пытались объяснить последствиями «вражеской работы» теоретиков педологии, которые считали, что неуспевающие явление закономерное и определяется биологическими и социальными факторами. Между тем исторический опыт **свидетельствует**, что успеваемость в школах не может быть стопроцентной.

На протяжении 1930-х гг. пытались изжить и проблему «второгодничества». Перепись населения 1939 г. **продемонстрировала**, что имели место случаи, когда в 1—4 классах обучались восемнадцатилетние и даже двадцатилетние молодые люди. Второгодничество рассматривалось как «педологическое извращение». Для его искоренения вводились методы «ударничества» и «соцсоревнования», которые привели лишь к формализации отчетов и занижению требований к знаниям учащихся. В 1940 г. Наркомпрос «разрешил» планирование второгодников в сельской местности до 10%, в городе до 5% от общего количества учащихся². На протяжении 1930-х гг. претерпела изменения и идея политехнизации. Политехнизация школы стала отождествляться с решением экономических задач. В условиях слабой материальной базы сельских школ создавались столярные и слесарные мастерские кустарного **типа**, но чаще всего мастерские были представлены рабочими комнатами, основная масса сельских **школ** мастерских не имела. С 1933/34 уч. г. происходило ежегодное сокращение часов на трудовое обучение, а в 1937/38 уч. г. уроки труда были **отменены**, школьные мастерские ликвидировались, что нанесло урон идее трудовой политехнической школы. Осуществление программы обязательного семилетнего обучения требовало большого количества помещений, и мастерские переоборудовались под физические, химические кабинеты. В сельской местности в конце 1930-х гг. в определенной степени произошел отход обучения крестьянских детей от традиционной связи с сельскохозяйственным трудом, обесценился деревенский образ жизни. Своеобразная правительственная политика в отношении трудового воспитания способствовала данному процессу. Опубликованный 26 августа 1940 г. приказ НКП «Об улучшении работы сельских школ» и работа в сельской местности по его реализации в предвоенный период изменить положение не смогли.

В воспитательной **работе** в уральских сельских школах в 1930-х гг. сохранилось многое из того, что целенаправленно внедрялось в 1920-х (детское самоуправление, пионерское и комсомольское движения, кружковая работа). Возникают и новые явления, отражающие время. Через пионерские и комсомольские организации продолжается идеологизация школы.

Уникальной формой детской внешкольной сельской организации стали организованные Уральским институтом детского коммунистического движения (ДКД) в 1933 г. опытные Дома колхозных ребят в деревнях Колесниковой Курганского **района**, Герасимовке Тавдинского **района**, Ильинке Казанского рай-

¹ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 2704. Л. 12.

² ГАСО. Ф. 233. Оп. 3. Д. 1192. Л. 6.

оно¹. В этих внешкольных организациях в основном решали задачи культурно-просветительной работы, интернационального, атеистического воспитания, изучения техники и агротехники. Дома колхозных ребят являлись комбинированными детскими учреждениями, универсализм которых был порожден специфическими **условиями** коллективизации.

Важнейшей формой воспитательной работы школы в 1930-х гг. являлись разнообразные кружки и секции. Практически во всех сельских школах во второй половине 1930-х гг. действовали различные кружки: политический, литературный, агрономический, хоровой, драматический, авиамоделльный, радио, шахматный, ячейка «Безбожников», физкультурный и др. В **Молотовской** области в 1941 г., по неполным данным, в школах было организовано 140 различных кружков с охватом 3000 человек². Школьные кружки сыграли неоценимую роль в развитии детей. Такая форма внеклассной работы раскрывала творческие способности детей. Однако содержание работы кружков было идеологизировано.

На протяжении 1930-х гг. произошли изменения и в отношении к физкультуре. В первой половине 1930-х гг. деятельность детских физкультурных кружков имела прежде всего оздоровительную направленность, а со второй половины 1930-х гг. физкультурная работа все более политизировалась, усиливалась ее военно-мобилизационная направленность. Физкультурная подготовка стала неотделима от военной. Велась целенаправленная работа по привлечению детей к сдаче норм **ГТО, БГТО, ПВХО, Осавиахима, ГСО, ЮВС**.

Таким образом, на протяжении 1929—1941 гг. учебно-воспитательный процесс в сельских школах претерпел значительные изменения. Стремление воспитать нового **человека, строителя коммунистического общества**, привело к поискам новых направлений воспитательной работы в школах.

В заключении диссертации подведены общие итоги исследования, сделаны выводы по изученной проблеме.

1930-е гг. — период формирования тоталитарной политической системы в советском обществе. Монополизм государства в экономике и тоталитаризм в политике сочетались с социалистической идеологией, провозглашавшей общедемократические принципы. Стремительно пытались догнать европейские страны в экономическом развитии, советское руководство форсировало и осуществление программы образования. Реализация программ всеобщего начального обязательного образования, а затем и семилетнего стала приоритетной.

Так как большая часть населения Уральской области в конце 1920-х гг. проживала в сельской местности, то и задача осуществления всеобщего начального образования коснулась непосредственно жителей села. Эта программа реализовывалась **во** многом чрезвычайными методами, характерными для экономических преобразований, что вызвало сопротивление крестьянства в первой половине 1930-х гг., воспринимающего всеобщее начальное образование как меру государственного принуждения. Лишь со второй половины 1930-х гг. подавляющая часть сельских детей стала посещать

¹ *Культфронт* Урала. 1933. № 6. С. 23.

² *ГАПОФ*. 986. Оп. 1. Д. 689. Л. 6.

школы, что **связано** с ростом материального благосостояния и переоценкой традиционных ценностей крестьянской культуры.

Главным итогом государственной политики в области образования в 1930-х гг. в сельской местности на Урале было завершение осуществления программы обязательного начального **всеобщего**. Несомненные количественные показатели оценивались советской историографией как «культурная революция», которая поставила СССР на одну ступень со странами Запада в области образования. Однако административно-командные методы осуществления школьной реформы оказали определяющее влияние на формирование советской образовательной системы, специфическими чертами которой явились: централизация управления школой; унификация, единообразие образования; дуализм (одновременное присутствие общегуманистического содержания и прагматических политических задач); идеологизация школы.

Дальнейшее исследование исторического опыта политики государства в области образования будет способствовать осуществлению демократизации российской школы на современном этапе.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. *Протасова Э. Е.* Коллективизация и начальный всеобщ на Урале в начале 1930-х гг. // История образования и культуры Урала: Сб. науч. тр. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1999. 0,5 п. л.
2. *Протасова Э. Е.* Школьное образование в СССР (на примере Уральского региона) и в странах Запада (**США** и Англия) в 1930-х гг. // Вопросы **всеобщей** истории: Сб. науч. и **учеб.-метод.** тр. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1999. Вып. 1. 0,5 п. л.
3. *Протасова Э. Е.* Начальное и среднее **образование** в СССР, США и странах Западной Европы (сравнительный анализ) // Уральские **историко-педагогические** чтения. Екатеринбург, 1999. 0,1 п. л.
4. *Протасова Э. Е., Чернышков В. В.* Патриотическое воспитание в советской школе (1917—1941 гг.) / Проблемы гражданственно-патриотического воспитания **молодежи** // Материалы **регион. науч.-практ.** конф. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1999. 0,2 п. л. / 0,1 п. л.
5. *Протасова Э. Е.* Социальная защищенность сельского учителя на Урале в начале 1930-х гг. // История социальной работы на Урале / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001. 0,5 п. л.
6. *Протасова Э. Е.* Создание материальной базы сельских школ повышенного типа на **Урале** в 1930-х гг. // Из истории **развития** образования и культуры на Урале (**середина XIX — XX вв.**) / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2002. 0,5 п. л.
7. *Протасова Э. Е., Чернышков В. В.* **Военно-патриотическое** воспитание школьников на Урале в 1930-е годы: традиции и новации // Гражданственность и **патриотизм** в XXI веке: Теория и **практика**: Материалы **регион. науч.-практ.** конф. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2002. 0,4 п. л. / 0,2 п. л.